

II.

Проф. Имельс. Воскресение Иисуса Христа. (Prof. P. L. Ihmels. Die Auferstehung Jesu Christi).

На нѣмецкомъ языкѣ въ 1913 г. вышла третьимъ изданіемъ брошюра извѣстнаго теолога-догматиста, профессора Лейпцигскаго университета Имельса о Воскресеніи Господа. Въ виду продолжающагося пасхальнаго „сезона“ и принимая во вниманіе имя автора, не лишнимъ будетъ передать интересующимся читателямъ Б. В. содержаніе названной брошюры *).

Статья д-ра Имельса: „Воскресеніе Иисуса Христа“ представляетъ собою одну изъ университетскихъ лекцій—изъ цикла чтеній на общую тему: „Наша вѣра въ Иисуса Христа“.

„Воскресеніе Иисуса Христа—исключительная по обширности и богатству содержанія тема“—такъ начинается свою лекцію проф. Имельсъ.

Двумъ вопросамъ посвящаетъ нѣмецкій теологъ свою работу: 1) историческому характеру Воскресенія Христова,—вопросъ главный для автора—и 2) значенію этого факта.

Исходнымъ пунктомъ въ рѣшеніи перваго вопроса должна служить вѣра перво-христіанской общины въ Воскресеніе Господа. О ней мы можемъ судить не только по четыремъ евангельскимъ редакціямъ, но и по характеру апостольской проповѣди, всецѣло покоящейся на признаніи факта Воскресенія Спасителя. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательна 15-я глава 1-го Посл. къ Коринѳянамъ, гдѣ Ап. Павелъ со всею свойственной ему глубиной мысли заявляетъ, что съ паденіемъ факта Воскресенія Христова падаетъ и все евангеліе о Христвѣ. Однако, и Апостоль Павелъ не первый началъ проповѣдывать о Воскресеніи, но передавалъ, что получилъ. Если обращеніе „Апостола языковъ“ послѣдовало лишь спустя немного лѣтъ по смерти Иисуса, то ясно, что вѣра въ Воскресеніе должна была возникнуть вскорѣ же послѣ смерти Господа.

Говоря о Воскресеніи, авторъ разумѣетъ именно тѣлесное

*) У насъ подъ рукою было 1 и 2 изд.

Воскресеніе. Кто не знакомъ съ этимъ вопросомъ близко, можетъ удивиться и спросить: какое же можетъ быть еще Воскресеніе, если не тѣлесное? Между тѣмъ, многіе подъ Воскресеніемъ Іисуса разумѣютъ не что иное, какъ продолженіе жизни Іисуса за гробомъ. Стараясь придать своему взгляду болѣе или менѣе церковный характеръ, говорятъ, что Павелъ училъ о воззваніи Богомъ души Христовой изъ ада и облеченіи ея въ нѣкое свѣтопосное тѣло. Впрочемъ, послѣднему обстоятельству важнаго значенія не придается, весь интересъ сосредоточенъ на мысли о продолженіи жизни Іисуса по смерти. Однако подобное воззрѣніе трудно провести до конца въ виду явнаго противорѣчія его, какъ Новому Завѣту вообще, такъ и пониманію Ап. Павла, въ частности,

О тѣлесномъ Воскресеніи говорятъ, прежде всего, выраженія: „воскресеніе“ и „воскрешеніе,“ равно какъ и постоянное датированіе Воскресенія третьимъ днемъ. Изъ этого одного уже должно быть ясно, что первохристіанская община признавала Воскресеніе, какъ определенное внѣшнее, хронологически констатируемое событіе. О томъ же говорятъ, да и явленія Воскресшаго, въ описаніяхъ которыхъ, при всѣхъ затрудненіяхъ, совершенно ясно обозначается идентитетъ Воскресшаго съ прежнимъ живымъ Іисусомъ. Наконецъ, какъ соединеніе Воскресенія Іисуса съ погребеніемъ (Дн. II, 23 и слл., ос. ст. 29 и 31), такъ и связь нашего собственнаго воскресенія съ Воскресеніемъ Христовымъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Писаніе мыслитъ именно тѣлесное Воскресеніе. И ту и другую связь особенно подробно обсуждаетъ Ап. Павелъ въ 15—й гл. 1-го посланія къ Коринѣянамъ. Вопреки сомнѣнію нѣкоторыхъ въ воскресеніи нашего тѣла, Апостолъ беретъ въ неразрывной связи обѣ истины: Воскресеніе Господа и наше собственное воскресеніе. Если послѣднее безспорно мыслится тѣлеснымъ (Рим. VIII, 11 и слл.), то и первое, разумѣется, должно имѣть тотъ же характеръ. Особенно знаменательна аналогія свѣваемаго въ землю зерна съ предаваемымъ погребенію тѣломъ. Какъ то не уничтожается въ землѣ, но вырастаетъ въ цѣлый организмъ, такъ не разрушится безслѣдно и тѣло, но возстанетъ нѣкогда нетлѣннымъ. Одинаковый смыслъ имѣютъ и 3—4 стихи той же главы, гдѣ проповѣдуется объ „умершемъ, погребенномъ и на третій день“ возставшемъ Христвѣ.

Въ своей вѣрѣ въ Воскресеніе Господа, первохристіанская община основывалась на явленіяхъ Воскресшаго ученикамъ. Указываемыя въ евангельскихъ изложеніяхъ явленій различія объясняются разницей интересовъ писателей—евангелистовъ и отсюда точекъ зрѣнія и сторонъ самыхъ повѣствованій. Однако, неточность въ частностяхъ не можетъ служить основаніемъ для отрицанія того или другого событія вообще. Здѣсь умѣстно вспомнить извѣстныя слова Лессинга: „Если Ливій и Полибій и Діонисій и Тацитъ рассказываютъ объ одномъ и томъ же происшествіи, объ одномъ и томъ же сраженіи, объ одной и той же осадѣ каждый съ такими различными обстоятельствами, что одинъ какъ бы изобличаетъ во лжи другого (dass die Umstände des einen die Umstände des anderen völlig Lügen strafen), отрицалъ ли ктонибудь на этомъ основаніи самое происшествіе, въ которомъ они согласны?—Если же Ливій, и Діонисій, и Полибій, и Тацитъ считаются нами настолько честными и благородными, что мы не тянемъ ихъ за каждый слогъ на пытку, не такъ же ли мы должны поступать съ Матеемъ и Маркомъ и Лукою и Іоанномъ?“ Говоря такъ, Лессингъ имѣлъ въ виду именно евангельскія сказанія о Воскресеніи. Чѣмъ менѣе согласія въ подробностяхъ, тѣмъ болѣе выигрываютъ историческіе документы въ своей самостоятельности. Что сказали бы наши критики, если бы всѣ повѣствованія о Воскресеніи совпадали до слова? не имѣли бы развѣ они права говорить тогда объ ихъ исторической ничтожности, такъ какъ—де они заимствовали свое содержаніе изъ одного и того же источника? Такимъ образомъ, при всѣхъ различіяхъ, самый фактъ,—что ученики были убѣждены въ явленіяхъ имъ Воскресшаго, остается безспорнымъ. Затѣмъ, помимо евангелій, фактъ этотъ неопровержимо утверждается авторитетомъ Апостола Павла.

Итакъ, историческое значеніе имѣютъ слѣдующіе три пункта: первохристіанская община была увѣрена въ Воскресеніи Іисуса, придавала ему тѣлесный характеръ и ссылалась на явленія Воскресшаго, какъ на основу своей увѣренности. Такимъ результатомъ достигнуто уже очень многое. Хотя этимъ еще не рѣшается вопросъ объ историчности самаго Воскресенія, однако, право проповѣди о Воскресеніи Іисуса Христа получаетъ въ ссылкѣ на очевидцевъ Воскрес-

шаго фактическое обоснованіе. Если противники этому свидѣтельству исторіи не хотятъ придавать значенія, они обязаны представить свои основанія для этого. Отвергающій, вопреки историческому свидѣтельству, Воскресеніе Іисуса долженъ отвѣтить на два вопроса. Во-первыхъ, на какомъ основаніи онъ отвергаетъ свидѣтельство учениковъ и, во-вторыхъ, какимъ образомъ ученики пришли къ этому свидѣтельству? Первый вопросъ, по мнѣнію автора, рѣшить трудно, такъ какъ насъ отъ непосредственныхъ учениковъ Христовыхъ, которыхъ мы могли бы опросить, отдѣляетъ значительное время. Тѣмъ не менѣе теорія обмана потеряла значеніе, и въ настоящее время искреннее убѣжденіе учениковъ въ Воскресеніи ихъ Учителя не оспаривается. Другое дѣло, могли ли бы ученики, столь живо заинтересованные лично въ Воскресеніи Іисуса, ясно сказать намъ, воскресъ ли Іисусъ дѣйствительно или нѣтъ. Мѣстонахожденіе гроба, конечно, было хорошо имъ извѣстно *), равно какъ и то, пусть онъ или нѣтъ. Точно такъ же должно было быть ясно, покоится ли увѣренность въ видѣніи Воскресшаго на воображеніи или нѣтъ. Конечно, достовѣрность перваго свидѣтельства не подвергалась бы столькимъ сомнѣніямъ, если бы здѣсь не было чуда.

Современной мысли настолько чуждо представленіе о чудѣ, что, когда намъ сообщаютъ о немъ, мы невольно спрашиваемъ, не вкралось ли въ сообщеніе какого-либо самообмана. Тогда на второй вопросъ мы обязаны отвѣтить, какимъ образомъ ученики пришли къ своему самообману и съ тѣмъ вмѣстѣ къ своему свидѣтельству о Воскресеніи. Такъ называемая гипотеза мнимой смерти въ настоящее время потеряла свой прежній кредитъ. Ни одинъ разумный человѣкъ теперь не сомнѣвается, что Іисусъ умеръ на крестѣ дѣйствительно. Съ тѣмъ большею обстоятельностью мы должны изслѣдовать, не примѣшалось ли какого-нибудь самообмана къ увѣренію учениковъ, что они видѣли Воскресшаго. Такое подозрѣніе не наноситъ оскорбленій ученикамъ, потому что всякому должно быть понятно, что, какъ психологически необразованные люди, они въ своемъ возбужденіи легко

*) Впрочемъ, это положеніе оспаривается Штраусомъ и Фолькмаромъ, что рѣзко критикуетъ Газе.

могли принять визионерныя состоянія за тѣлесныя явленія Воскресшаго. Таково рѣшеніе, которымъ въ настоящее время думаютъ отгадать пасхальную загадку, именно: ученики смѣшали свои визионерныя состоянія съ реальными явленіями *).

Безспорно, во всѣ времена великихъ религіозныхъ движеній наблюдаются визионерныя явленія, причемъ эти явленія, съ своей стороны, оказываютъ вліяніе на подобныя движенія. Потому, мы не можемъ напередъ оспаривать возможность и роль визионерныхъ состояній и въ происхожденіе вѣры въ Воскресеніе. Но прежде, чѣмъ возможность превратитъ въ дѣйствительность, мы должны опять отвѣтить себѣ на два вопроса. Первый: какимъ образомъ могли съ учениками произойти визионерныя состоянія и можетъ ли быть понята вѣра въ Воскресеніе въ ея конкретномъ видѣ изъ таковыхъ, т. е. субъективно визионерныхъ состояній.

Итакъ, можно ли объяснить себѣ происхожденіе визионерныхъ состояній у учениковъ послѣ смерти Іисуса? Какъ, спросимъ раньше, возникаютъ визионерныя состоянія вообще? При нормальныхъ воспріятіяхъ внѣшній міръ производитъ на наши чувства воздѣйствія, сообщающіяся затѣмъ мозгу и вызывающія въ душѣ образъ соотвѣтствующаго предмета. Образъ этотъ чисто внутренній, но мы, благодаря наученію опыта, переносимъ его во внѣшній міръ. Визионерное состояніе покоится на томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ возникать подобныя состоянія мозга и чисто внутреннимъ путемъ, безъ раздраженія со стороны внѣшняго міра, но визионеръ и въ этомъ, случаѣ возникшій внутреннимъ путемъ образъ проецируетъ непроизвольно на внѣшній міръ. Оче-

*) Изъ ранѣйшихъ защитниковъ такъ называемой субъективной визионерной теоріи выступаютъ: прежде всего Гольстенъ, а между новѣйшими Мейеръ. Кромѣ нихъ, должны быть названы здѣсь: Генрихъ Лавгъ, Гаусратъ, Брандтъ, Пфлейдереръ и др. Общее основное воззрѣніе инварируется у нихъ въ отдѣльности многораазлично; этимъ обуславливается различная психологическая конструкція, признаніе или непризнаніе отверзаго гроба (напр. Ренанъ, Жизнь Іисуса), третьяго дня и т. д. Существенная значеніе, впрочемъ, имѣетъ основное различіе, порождены ли визионерныя состоянія предшествовавшею увѣренностію въ Воскресеніи или послѣдняя только благодаря первымъ получила существованіе, овладѣла сознаниемъ учениковъ.

видно, мы имѣемъ здѣсь патологическія состоянія и въ новѣйшее время пришли къ открытію законовъ для этихъ аномальныхъ состояній. Въ этихъ изслѣдованіяхъ насъ интересуютъ пункты: во-первыхъ, визионерныя состоянія для своего происхожденія предполагаютъ соответствующую диспозицію, во-вторыхъ, и въ визионерномъ состояніи ничто не можетъ быть проэцировано во-внѣ, что какимъ-либо образомъ не переживалось внутри.

Обратимся теперь къ свидѣтельству о Воскресеніи. Ни-коимъ образомъ нельзя доказать, чтобы у апостоловъ имѣлась какая-нибудь диспозиція для визионерныхъ состояній. Тѣмъ не менѣе утверждаютъ, что вся ситуація по смерти Іисуса представляла вполне достаточныя условія для возникновенія подобныхъ состояній. Со всѣмъ искусствомъ новѣйшей психологіи, изображается въ какомъ глубокомъ душевномъ угнетеніи должны были находиться ученики по смерти своего Учителя. Въ особенности живыми красками описывается душевное состояніе Петра вслѣдъ за смертью Іисуса, того самаго ученика, послѣднимъ актомъ котораго въ отношеніи къ своему Учителю было отреченіе отъ Него и который, какъ послѣднее доказательство любви, получилъ отъ Іисуса Его строгій взглядъ. Вотъ, именно та ситуація, въ которой, по мнѣнію критиковъ-субъективистовъ, у простыхъ людей никогда и ничего подобнаго не переживавшихъ, погашается мысль и они визионируютъ. Изображается также, какъ Іаковъ братъ Господа, озабоченный честью и судьбою своего дома, жалѣлъ объ участи постигшей Брата, Который былъ вмѣстѣ и скорбію, и гордостью фамиліи, пока не сталъ визионировать. Не должно, поэтому, будто бы казаться удивительнымъ, что какъ скоро одинъ ученикъ могъ увидѣть Господа, то и другіе начали визионировать и особенно должно быть яко-бы понятнымъ, что такія визионерныя состоянія случались за общимъ обѣдненнымъ столомъ, когда возобновлялась память о тѣхъ часахъ, когда Іисусъ послѣдній разъ вечерялъ со Своими учениками. Такимъ объясненіемъ даютъ повять, какъ 500 братій заразъ могли, по сообщенію апостола Павла, увидѣть Іисуса.

Нельзя сказать, чтобы эти психологическія попытки объясненія явленій Воскресшаго были удовлетворительны. Прежде всего, то, что сообщается объ Іаковѣ, является совершенно

новостью для простого читателя Библии. Новый Завет во всякомъ случаѣ ничего не знаетъ о единомыслии братьевъ Господа, какое здѣсь предполагается. Правда, можно сослаться на замѣчаніе евангелія отъ Евреевъ, но послѣднее въ своихъ частностяхъ слишкомъ маловѣроятно и недостаточно для того, чтобы дать прочную основу для такого замѣчанія. Равнымъ образомъ и у Петра отъ указанія его душевнаго настроенія до констатированія визионеровація большое разстояніе. Что же касается болѣе пяти сотъ, одновременно видѣвшихъ Воскресшаго, то, разумѣется, можно сослаться на бывшіе историческіе примѣры массоваго визионеровація. Однако, поскольку мы можемъ въ настоящее время контролировать подобныя сообщенія, всюду мы наблюдаемъ глубокое душевное возбужденіе, сопровождающееся болѣе или менѣ бурнымъ состояніемъ визионирующихъ. Наоборотъ, для сообщеній о явленіяхъ Иисуса характерно то, что въ нихъ совсѣмъ отсутствуютъ подобный тумультизмъ. Единственно большое собраніе первенствующей церкви, съ большимъ оживленіемъ, происходило въ день 50-цы, но визионеровація здѣсь какъ разъ не наблюдается. Равнымъ образомъ изъ посланій къ Коринѳянамъ мы знаемъ, что богослужебная жизнь коринѳской общины многократно принимала экстаическія черты; но нигдѣ нѣтъ слѣда того, чтобы богослужебныя собранія сопровождались визионерными состояніями или явленіями Воскресшаго. Тамъ же, гдѣ рассказывается о явленіяхъ Иисуса, нѣтъ слѣда экстаической возбужденности. Эти простые факты должно всегда противопоставлять другъ другу *).

Допустимъ, что возможность визионерныхъ состояній по смерти Иисуса доказана, но главный вопросъ этимъ еще не рѣшается. Намъ ясно показано, какъ по смерти Господа всѣ мысли и чувства учениковъ вращались вокругъ Него, пока не началось визионероваціе. Однако, вопросъ: какъ по-

*) Противъ объясненія явленій Иисуса, какъ субъективныхъ визионерныхъ состояній, справедливо указалъ Кеймъ на ограниченное число и продолжительность явленій, тогда какъ при визионероваціи нужно было бы ожидать возрастанія подобныхъ состояній. Противоположное утвержденіе Мейера о продолженіи въ первенствующей церкви (включая день 50-цы) видѣній Христа явно натавнито.

нять, что сами ученики думали о явленіяхъ Иисуса совсѣмъ иное, чѣмъ думаютъ о видѣніяхъ умершихъ—другими словами, какимъ образомъ ученики увѣровали, что они видятъ Воскресшаго,—этотъ вопросъ остается безъ отвѣта. О Воскресеніи говорить пустой гробъ, при которомъ никакая теорія не можетъ помочь. Выше мы указали, что и визионеры не въ состояніи проэцировать ничего во-внѣ, что бы не заключалось въ душѣ. Теперь мы должны отмѣтить, что для созерцанія Воскресшаго въ ученикахъ не имѣлось никакой психологической основы. Насколько говорятъ намъ источники, ученики ни о чемъ менѣе всего не помышляли, какъ о Воскресеніи своего Учителя. Ихъ настроеніе того времени нашло свое выраженіе въ откровенныхъ словахъ эммаусскихъ спутниковъ: мы надѣялись, было, что Онъ избавитъ Израиля. „Мы надѣялись“... и только.

Конечно, и здѣсь пытаются опровергнуть фактъ психологическими конструкціями. Говорятъ, что у учениковъ, лишь только они оправились отъ перваго впечатлѣнія ужаса, необходимо должна была возникнуть новая увѣренность, что не могутъ навѣки оставаться въ такомъ грустномъ положеніи дѣло и личность Иисуса. Источники этого не подтверждаютъ; они даже говорятъ противное. Наши евангелія не даютъ и тѣни доказательства тому, чтобы ученики чисто внутреннимъ путемъ пришли къ увѣренности въ Воскресеніи своего Господа. Трезвый историкъ, по мнѣнію Имельса, не можетъ согласиться съ объясненіемъ визионерной теоріи. Главнымъ образомъ здѣсь обращаетъ на себя вниманіе то, что по всѣмъ сообщеніямъ только явленія Воскресшаго могли вызвать вѣру въ Воскресеніе, а не наоборотъ.

Ссылку на внутреннюю внезапную переměну тоже нельзя считать удачной. Во всякомъ случаѣ намъ опять неизвѣстно, что ученики уже подъ впечатлѣніемъ земной жизни Иисуса пришли къ побѣдоносной увѣренности, что Его личность и дѣло не могутъ погибнуть. Но если бы и было такъ. какимъ образомъ эта совершенно поколебленная смертію увѣренность могла такъ быстро снова возникнуть среди учениковъ? Совершенно невозможная вещь — отъ глубочайшаго угнетенія, въ границахъ трехъ дней, перейти къ побѣдной пасхальной вѣрѣ. Для критики эти три дня составляютъ большое неудобство, и она, поэтому, всячески старается устранить ихъ

Равнымъ образомъ, допуская видѣнія только въ Галилеѣ, она не желаетъ знать іерусалимскихъ явленій. Но послѣднія устранить можно лишь въ томъ случаѣ, если напередъ поколебленъ авторитетъ Луки и Іоанна, а третій день приписанъ непоколебимости первоначальной вѣры въ Воскресеніе. Однако, послѣднее не оправдывается извѣстіями и помимо того устанавливается фактомъ христіанскаго празднованія воскреснаго дня. Сама критика, съ своимъ противорѣчіемъ преданію, попадаетъ въ немалыя затрудненія. Переносъ явленія Іисуса въ Галилею, она, хотя и предоставляетъ внутреннему развитію настроенія учениковъ больше простора, но тѣмъ труднѣе для нея отвѣтить на вопросъ о возникновеніи визионерныхъ состояній. Если ученики могли успокоить въ тишинѣ Галилеи свои разстроенныя нервы и вернуть равновѣсіе духа вмѣстѣ съ вѣрой, то какимъ образомъ здѣсь могли имѣть мѣсто условія для визионирования? Насколько трудно визионерной теоріи удержать въ этомъ пунктѣ свою позицію, ясно изъ того, что для поддержки психологической конструкции она обращается къ инымъ пособіямъ. Съ большою тщательностію собирается все, что только можетъ имѣть какое-нибудь сходство съ христіанской вѣрой въ Воскресеніе. Стараются доказать, какъ могла быть близка ученикамъ мысль о возможности Воскресенія ихъ Учителя, указываютъ на примѣръ Ирода, который безпокойствомъ совѣсти былъ приведенъ къ тому впечатлѣнію, что будто въ Іисусѣ воскресъ изъ мертвыхъ убитый, по его приказанію, Іоаннъ Креститель. Дѣйствительнымъ подтвержденіемъ психологическихъ конструкций могли бы служить только предсказанія о своемъ Воскресеніи Самого Іисуса. Но для критики этотъ путь совершенно отрѣзанъ, такъ какъ она не придаетъ этимъ пророчествамъ историческаго знанія. Мы же, признавая ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаемъ и тотъ фактъ, что ученики не могли въ свое время воспринять ихъ. Такимъ образомъ, вступать и на этотъ путь для критики было бесполезно.

На дѣлѣ трудности, съ которыми имѣетъ дѣло визионерная теорія, настолько велики, что она многократно видоизмѣнялась, принимая иногда форму такъ называемой объек-

тивной визионерной теоріи *). Отъ субъективной визионерной теоріи она отличается тѣмъ, что сказанныя состоянія мозга ея относятся къ прямому воздѣйствію духа Іисуса или самаго Бога. Конечно, вся визионерная теорія придумана первоначально только затѣмъ, чтобы устранить мысль о Воскресеніи вообще. Поэтому, по смыслу визионерной теоріи, о Воскресеніи Іисуса мы должны думать такъ же, какъ о безсмертіи собственнаго духа. Если послѣ этого стараются, однако, представить, какъ этотъ продолжающій по смерти тѣла существованіе духъ Іисуса воздѣйствовать на чувства учениковъ, то, спрашивается, чѣмъ такое представленіе отличается отъ вѣры въ привидѣнія? Вотъ, почему видѣвшіе представители объективной теоріи хотятъ знать только о воздѣйствіи на внутренній міръ учениковъ духа Іисусова и почти всѣ обуславливаютъ это воздѣйствіе особенностью лич-

*) Такъ наз. объективная визионерная теорія разрабатывалась также въ очень различной формѣ. Вейссъ понимаетъ существо явленій Іисуса по аналогіи съ другими духо-видѣніями. Надъ этимъ пониманіемъ смѣялся Гаазе: явленіе духовъ и независимо отъ субъективнаго расположенія было бы, вмѣсто Воскресенія, только заблужденіемъ и привидѣніемъ мертвеца. Между тѣмъ, Кеймъ вопросъ о томъ, было ли явленіе Іисуса только духовнымъ присутствіемъ или видимыхъ образомъ, рѣшаетъ въ первомъ смыслѣ, чтобы избѣжать дурныхъ сравненій, и вмѣстѣ полагаетъ, что господствующія духовныя впечатлѣнія воплощались произвольно въ видимой формѣ, такъ что происхожденію и прекращенію визионернаго состоянія соответствовали начало и конецъ духовнаго впечатлѣнія. Въ этомъ смыслѣ явленіе было знакомъ жизни Іисуса, какъ бы телеграммой съ неба. Субъектомъ дѣйствія на душу учениковъ былъ, такимъ образомъ, по Кейму, „прославленный Христосъ“. Также думаютъ А. Шенкель и Лотце, который полагаетъ смыслъ Воскресенія Іисуса въ томъ, что Его собственное живое присутствіе внутренно трогаетъ душу. Лотце судить о такомъ дѣйствіи Христа по аналогіи съ взаимодѣйствіемъ души съ Богомъ. Циглеръ понимаетъ явленія Христа только, какъ прямое воздѣйствіе Бога на души учениковъ. Также думаютъ и другіе. Рейшле описываетъ объективное визионерное состояніе, какъ внутреннее воспріятіе чисто духовной, удаленной отъ черственнаго міра, реальности въ нѣкоемъ переживаніи, прозвированномъ на виѣшнихъ ощущеніяхъ зрѣнія и слуха. Вейнгартъ въ своей пасхальной проповѣди трактуетъ ту же теорію въ новомъ смыслѣ, результатъ чего было возбужденное противъ него дисциплинарное дѣло (см. соответствующіе изд. Ганноверской пастырской конференціи). Своеобразное положеніе занимаетъ Корффъ. Утверждая тѣлесное Воскресеніе Христа, онъ, однако, понимаетъ явленія Воскресшаго, какъ проекціонно-визионерныя состоянія.

ности Иисуса или относятъ его непосредственно къ Богу. Ближе дѣло представляется такимъ образомъ, что въ ученикахъ—черезъ живое ли чувство духовной близости Иисуса или черезъ нѣкоторое внутреннее воздѣйствіе Бога—возбуждено было сознание въ продолженіи жизни Иисуса за гробомъ, каковое сознание и воплотилось въ видѣніяхъ. Это общее основное воззрѣніе имѣетъ свои нюансы; два изъ нихъ наиболѣе значительны. Можно представлять себѣ видѣнія относительно внутренней увѣренности самостоятельными, такъ что, строго говоря, только самая увѣренность опредѣляется лишь, какъ результатъ божественнаго воздѣйствія. Это одинъ видъ теоріи. Или, по другому мнѣнію, то преимущественное впечатлѣніе, которое испытывали ученики, съ безусловной необходимостію вело къ визионерванію, такъ что дѣйствіемъ Бога или Христа оказываются, какъ состояніе мозга, такъ и соотвѣтствующія имъ представленія. Только въ послѣднемъ случаѣ становится возможнымъ приписать самымъ видѣніямъ характеръ божественнаго воздѣйствія, только такимъ образомъ обезпечивается объективное происхождение видѣній и, наконецъ, только въ этомъ смыслѣ упрочивается дѣйствительное значеніе видѣній для пасхальной вѣры.

Безспорно, объективная теорія явленій представляетъ собой съ религіозной точки зрѣнія значительный шагъ впередъ сравнительно съ субъективной теоріей, потому что здѣсь признается супранатуральный характеръ явленій, почему мы въ принципѣ и не можемъ не согласиться съ возможностью подобнаго объясненія. Равнымъ образомъ здѣсь падаютъ нѣкоторыя, свойственныя другимъ теоріямъ, недоумѣнія. Понятнымъ становится быстрый и неожиданный переходъ отъ унынія къ радостной вѣрѣ и вмѣстѣ ограниченная продолжительность видѣній. Хотя на мѣсто внѣшняго чуда здѣсь становится внутреннее, однако, съ точки зрѣнія супранатурализма, нельзя отвергать возможность и такого чуда. Противъ этой теоріи можно возразить, что вмѣсто однихъ, устраняемыхъ ею трудностей, въ ней находятъ мѣсто другія. Если внутренній образъ Воскресшаго дѣйствительно произведенъ въ душѣ учениковъ Богомъ, и ученики не могли не проэцировать его во-внѣ: то дѣло получаетъ такой видъ, какъ будто Самъ Богъ подалъ поводъ къ роковому заблужденію, что Иисусъ воскресъ тѣлесно. Но можно

ли думать, что вся проповѣдь Церкви о тѣлесномъ Воскресеніи Иисуса основана на Самимъ Богомъ произведенномъ обманѣ?

Очевидно, эти недоумѣнія могутъ имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда визионерныя состоянія относятся непосредственно къ Богу или Христу. Если же непосредственному божественному воздѣйствію приписывается только возникновеніе внутренней увѣренности въ продолженіи жизни Иисуса за гробомъ, воплощеніе же этой увѣренности въ видѣніяхъ мыслится въ качествѣ дополнительнаго момента, всевозвращеніе во второй своей части получаетъ характеръ субъективной визионерной теоріи и, потому, ранѣе высказанныя недоумѣнія получаютъ свою силу и здѣсь. Опять мы вступаемъ въ противорѣчіе съ нашими источниками; опять пасхальная вѣра является предыдущимъ, а явленія послѣдующимъ. Кромѣ того, непонятно, зачѣмъ ученикамъ нужны были явленія, когда они и безъ того получили отъ Бога увѣренность въ Воскресеніи? Наконецъ, и здѣсь также Богъ, хотя и посредственно, является виновникомъ величайшей въ исторіи ошибки.

Отсюда ясна неприемлемость визионерной теоріи вообще. Кромѣ всего сказаннаго о ней, она не объясняетъ пасхальной вѣры въ ея конкретномъ видѣ. Какъ понять дату третьяго дня? Указываемыя здѣсь аналогіи не могутъ имѣть значенія *). Прежде же всего: какъ объяснить увѣренность въ тѣлесномъ Воскресеніи Иисуса на основаніи видѣній, какъ визионерныхъ состояній? Неужели ни одинъ изъ учениковъ не былъ настолько благоразумнымъ, чтобы не опросить себя, не подвергается ли онъ самообману? Поскольку мы знаемъ характеръ учениковъ (ос. Фомы), имъ не чужды были подобныя сомнѣнія, равно какъ не безызвѣстны были визионерныя и экстатическія состоянія, о которыхъ они и судили иначе. Изъ 12 гл. 2-го Посланія къ Коринѣянамъ видно, какъ мало значенія Ап. Павелъ придавалъ подобнымъ состоя-

*) 2 Цар. 20, 5; Ос. 6, 2; исторія Іоны. Но не эти мѣста дѣлаютъ понятнымъ утвержденіе Воскресенія на третій день, а сама она, наоборотъ, ставятся ясными при свѣтѣ этой вѣры (Добшютцъ). Еще меньше значенія имѣютъ ссылки на всеобщую исторію.

нїямъ. Лишь спустя 14 лѣтъ и только вынужденный противъ воли обстоятельствами, Апостоль разсказываетъ о томъ удивительномъ видѣніи, когда онъ былъ восхищенъ до третьяго неба и слышалъ неизреченные глаголы. Какъ объяснить, что тотъ же Павелъ совсѣмъ иначе судить о бывшемъ ему передъ Дамаскомъ явленіи Иисуса, полагая его въ основу всей своей новой жизни? Наконецъ, нужно замѣтить, что вѣра въ Воскресеніе связана съ убѣжденіемъ въ пустомъ гробѣ. Неужели можно серьезно полагать, что ученики вышли на всемірную проповѣдь, хорошо не зная, продолжаетъ или нѣтъ оставаться во гробѣ тѣло Иисуса. Весьма характерно то, о чемъ намъ повѣствуетъ 2 гл. Дѣяній, излагая проповѣдь св. Петра. Апостоль желаетъ довести слушателей до сознанія, что изреченіе псалма: „святой Твой не увидитъ тлѣнія“ не примѣнимо во всей полнотѣ къ Давиду, такъ какъ гробъ съ прахомъ этого праведника хорошо извѣстенъ какъ ему, такъ и слушателямъ. Петръ не боится того, что кто-нибудь изъ слушателей могъ возразить ему: да, но мы не знаемъ гроба, въ которомъ, быть можетъ, ислѣдуетъ тѣло твоего Иисуса. Противники Иисуса постарались бы сами открыть гробъ, чтобы положить конецъ проповѣди апостоловъ о Воскресшемъ. Ужели они не сдѣлали этого только изъ боязни прикосновенія къ трупу или по чему-нибудь подобному? Нѣтъ, гробъ, въ которомъ погребено было тѣло Иисуса, дѣйствительно оказался пустымъ утромъ третьяго дня. Нельзя, вѣдь, серьезно думать, чтобы ученики Иисуса были сознательными обманщиками. Равнымъ образомъ было бы очень глупо со стороны враговъ Иисуса удаленіемъ тѣла изъ гроба подавать поводъ къ разговору о Воскресеніи, когда этого боялся самъ синедрионъ. Быть можетъ, это сдѣлалъ Іосифъ Аримаѳейскій, какъ нѣкоторые думаютъ *)? Чѣмъ же тогда объяснить то упорное молчаніе, въ какомъ оставался Іосифъ, когда вслѣдствіе этого молчанія, на пустомъ гробѣ строилась новая религія? Или кто-нибудь другой, неизвѣстный, по неизвѣстнымъ побужденіямъ, взялъ тѣло Иисусово и сохранилъ это втайнѣ? „Но едва-ли,“ можно на такихъ хилыхъ ниткахъ вѣшать мировую исторію**).

*) Гольцманъ и др.

**) Ульгорнъ.

Нельзя не признать, утверждаетъ Имелъсь, что строго фактическое изслѣдованіе всегда приводитъ къ утверженію историчности Воскресенія Христова *). Намъ не должно казаться удивительнымъ, что многіе не признаютъ этого. Причина такого непризнанія въ томъ, что здѣсь имѣетъ мѣсто чудо. Всѣ попытки объяснить это событіе естественнымъ образомъ не достигаютъ цѣли: поэтому приходится или принять его, какъ чудо, или отвергнуть, какъ неистинное событіе. Съ признаніемъ Воскресенія Христова неразрывно связано, такимъ образомъ, цѣлое міровоззрѣніе, то или другое пониманіе христіанства. Церковь правильно поняла самое себя, учредивъ издревле празднованіе Пасхи и Воскресшаго дня. Въдъ она созидалась надъ гробомъ Воскресшаго Иисуса Христа.

Безъ преувеличенія можно сказать, что гробъ Иисусовъ служитъ раздѣляющимъ началомъ двухъ вполне различныхъ міровоззрѣній. Одно міровоззрѣніе и въ религіи видитъ путь къ постепенному имманентному движенію человѣчества впередъ, а другое устремляетъ къ Богу чрезъ посредство все возрастающаго до воплощенія Сына Божія въ міръ Откровенія.

Церковь учитъ, что мы приближаемся къ Богу постольку, поскольку Богъ приближается къ намъ. Со времени же Христа, какъ сказано въ посланіи къ Евреямъ, Богъ возглаголялъ намъ въ Сынѣ. Въ Сынѣ слово Бога къ человѣку нашло свое полное выраженіе и вмѣстѣ съ этимъ совершилось очищеніе нашихъ грѣховъ. Богъ былъ во Христѣ, говоритъ ап. Павелъ, и примирилъ съ Собою міръ (2 Кор. 5, 19). Теперь спрашивается: истинно-ли все это? Правда ли, что Самъ Богъ открылся въ исторіи и вступилъ въ общеніе съ человѣкомъ? Этотъ вопросъ только и можетъ быть рѣшенъ у гроба Спасителя. Потому-то намъ такъ и дорого тѣлесное Воскресеніе Иисуса. Не потому только, что безъ него рушится наша надежда на собственное воскресеніе. Вся серьезность вопроса заключается въ томъ, что безъ него величественное голгоѣское „Совершилось“ оставалось бы

*) Трудность представленія образа воскресшаго тѣла не можетъ измѣнить это сужденіе. Конечно, входить въ детали не требуется, но общая постановка и этого вопроса возможна.

безъ соотвѣтствующаго божественнаго отвѣта. Если бы гробъ іерусалимскій пребылъ навѣки запечатлѣннымъ и тѣло Іисуса истлѣло бы во гробѣ, какъ подпадаетъ тлѣнію всякое тѣло, тогда отъ нашей вѣры во Христа, какъ Бога и Примириителя, не остается ничего: Онъ погибъ такъ же, какъ мы всѣ погибаемъ. Значить, это не правда, что во Христѣ былъ Богъ и примирился съ Собою міръ. Кто все это продумалъ до конца, тотъ только можетъ почувствовать, что при закрытомъ гробѣ Христа весь міръ нѣмъ и пустъ, потому что нѣтъ въ немъ Слова Живого Бога. И о нашей собственной жизни мы не знали бы болѣе того, о чемъ говорить намъ могильный камень. Но—слава Богу!—гробъ отверзтъ и пустъ—это Богъ открылъ намъ Себя въ Воскресеніи Іисуса изъ мертвыхъ. Поэтому, мы смѣемъ вѣрить, что въ Іисусѣ именно мы имѣемъ Бога и путь къ Богу ¹⁾. Словомъ, если Христосъ не воскресъ, наша христіанская вѣра, по выраженію ап. Павла, была бы суетна и тщетна.

Какъ увѣриться въ Воскресеніи Іисуса? На этотъ вопросъ проф. Имельсъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „Чисто-историческаго пути здѣсь не достаточно. Историческія изслѣдованія, конечно, необходимы, но полная религіозная увѣренность можетъ быть приобрѣтена только путемъ живого религіознаго опыта. Если вся проповѣдь о примиреніи Богомъ съ Собою міра кажется человѣку безуміемъ, то и вѣра въ Воскресеніе всегда будетъ для него совершенно чуждой. Наоборотъ, при личномъ отношеніи къ дѣлу спасенія, Воскресеніе Господа оказывается существенно-необходимымъ объектомъ, ручательствомъ нашего примиренія и залогомъ спасительной надежды и потому—Пасхой.

Изложенная брошюра проф. Имельса имѣетъ апологети-

¹⁾ Не безразличенъ для вѣры и образъ Воскресенія. Безтѣлесное Воскресеніе не могло и не можетъ ни для враговъ, ни для друзей имѣть силу историческаго факта. Дѣявіе Бога было бы въ исторіи незаконнымъ, за противниками Евангелія оставалось бы въ исторіи послѣднее слово. нареченное ими въ осужденіи Христа на крестную смерть. Затѣмъ, нельзя было бы утверждать идентичность Воскресшаго съ Умершимъ и Жившимъ нѣкогда Іисусомъ, равно какъ и разсматривать это Воскресеніе въ качествѣ побѣды надъ смертью и т. д. О томъ же говорить и вся исторія Воскресенія, съ которой и должны сообразоваться наша вѣра и убѣжденія, а не наоборотъ.

ческой характеръ. Она касается исторической стороны Воскресенія Христова. Имѣеть въ виду тѣло пасхальнаго догмата. Души же этого догмата, идеологии Воскресенія, она почти не затрагиваетъ, если не читать послѣднихъ строкъ. Однако, и апологетическая сторона вопроса на 40 страницахъ брошюры (съ примѣчаніями) могла быть изложена только въ сжатомъ упрощенномъ видѣ; впрочемъ, все значительное, что имѣеть отношеніе къ дѣлу, не упущено авторомъ изъ вниманія.

О работахъ, подобныхъ изложенной, слѣдуетъ замѣтить: доказать исторически фактъ Воскресенія такъ же невозможно, какъ математически—бытіе Бога. Сдѣлать то и другое значило бы то же, что найти квадратуру круга. Такія сочиненія имѣють сколько положительный, столько же и отрицательный характеръ. Съ одной стороны, они приближаютъ насъ разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ недоумѣній, выясненіемъ разныхъ обстоятельствъ, новой комбинаціей условій и т. д. къ цѣли: убѣжденію въ бытіи Бога, дѣйствительности Воскресенія. Съ другой стороны, эти же самыя сочиненія недостижимымъ результатомъ ясно показываютъ, что обсужденіе вопроса съ плоскости отвлеченныхъ формулъ и историческихъ фактовъ должно быть перенесено въ область самой жизни, въ сферу переживаній, такъ какъ истина вѣры не есть выводъ изъ посылокъ, или внѣшняя данность, а свободное, во имя высшаго блага, самоопредѣленіе воли къ признанію внутренней или сверхприродной реальности, если не прямо данная въ религіозномъ опытѣ дѣйствительность. Поэтому, между прочимъ, и Богъ сокрылъ Себя въ мірѣ и Логосъ облекся въ смиренную плоть Сына Человѣческаго, что признаніе бытія Божія и Богосыновства Иисуса должно быть актомъ свободы и благодати, а не принужденія и насилія. По тому же и Воскресеніе не имѣло при себѣ ни одного очевидца, и Воскресшій не являлся отвергнувшимъ Его синедриону и толпѣ іудейской, такъ какъ въ противномъ случаѣ, при совмѣщеніи въ этомъ событіи величайшихъ религіозныхъ истинъ—идей, оно нарушило бы планъ Божественнаго, основаннаго на свободѣ разумныхъ существъ, нравственнаго міропорядка.

А. Тубѣровскій.
